

«БОГАТЫРСКИЙ ВЕК» vs. «ТАРАКАН НА СПИНЕ»: XVII СТОЛЕТИЕ В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Л.В. Мининкова

Аннотация. Место XVII столетия в российской истории – это одна из «вечных тем» не только профессиональной историографии, но и общественного сознания. Хотя дискуссии по данной проблеме не были столь же острыми, как, например, полемика по норманнскому вопросу, они характеризовались широтой спектра высказывавшихся позиций и внутренней напряженностью. Это не случайно, так как данная проблема – часть большого вопроса о переходе от средних веков к новому времени и об особенностях развития России в данный период в общеевропейском историческом контексте. Вывод, согласно которому реформы Петра I и другие процессы, происходившие в XVIII в, являются закономерным следствием развития страны в предшествующем столетии, был глубоко обоснован в отечественной историографии С.М. Соловьевым и развит В.О. Ключевским. Однако до сих пор выдвигаются серьезные аргументы в пользу того, что в России XVII в. сохранялись традиции средневекового Московского государства, которые были уничтожены в ходе петровских реформ. Высказывалась точка зрения, согласно которой естественное разложение старого московского порядка могло привести к складыванию в России гражданского общества, но этот процесс был прерван преобразованиями Петра I.

Ключевые слова: российская историография, новый период истории России, восходящая и нисходящая стадия в развитии русского феодализма.

Мининкова Людмила Владимировна, доктор исторических наук, профессор, профессор, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, lyudmila_mininkova@mail.ru.

“BOGATYR AGE” vs. “COCKROACH ON THE BACK”: THE 17TH CENTURY IN THE MIRROR OF THE RUSSIAN SOCIAL AND HISTORICAL CONSCIOUSNESS

L.V. Mininkova

Abstract. One of the perpetual themes of the Russian historiography and social mind is the place of the 17th century in Russian history. The discussions on this question were not as acute as, for example, on the Norman Theory. However, it was marked by a wide range of views and internal tension. This is not by accident, because this problem is part of a big issue of the transition from the Middle Ages to the Modernity and the features of Russia's development in the wide European historical context. The conclusion that the phenomena of the Russian history of the 17th century predetermined the reforms of Peter I and other processes that took place in the 18th century, was deeply justified in the domestic historiography by S.M. Solovyov and developed by V.O. Klyuchevsky. However, there are still serious arguments in favor of the fact that the traditions of the Medieval Muscovite State that were destroyed in the course of Peter's reforms were preserved in Russia in the 17th century. It was stated that the natural decomposition of the old Muscovite traditions could lead to the formation of civil society in Russia, but this process was interrupted by Peter I.

Keywords: Russian historiography, new period of Russian history, the ascending and descending stage in the development of Russian feudalism.

Россия XVII в. со своей широко раскрытой научной любознательностью и скудной умственной емкостью. Какая преобраз[овательная] суетня, какая толпа новых идей и какая ветошь нравов и порядков, какое ничтожество результатов! Таракан на спине.

В.О. Ключевский

Дискуссии являются неотъемлемой частью исторической науки и характерным признаком ее живой, постоянно развивающейся мысли. Они вместе с тем свидетельствуют о роли и месте истории в жизни общества, о том, в какой мере ученым удается содействовать диалогу своих современников с прошлыми поколениями. Что же касается самих исторических дискуссий, то они могут выступать в разной форме. Достаточно вспомнить противостояние нескольких поколений норманистов и антинорманистов. Но подобные дискуссии были и в более позднее время. Они могли ограничиваться академической аудиторией, как, например, в полемике о собственности на землю черносошных крестьянских общин в Московском государстве, или же выходить на уровень более широкой общественности — вроде вопросов о «Слове о полку Игореве» или о происхождении донского казачества.

Дискуссии по некоторым вопросам могут, однако, носить как бы не вполне проявленный, «латентный» характер, но при этом быть не менее напряженными и острыми. К таковым относится и вопрос о месте XVII столетия в российской истории. Как заметил В.Н. Козляков, споры о том, где пролегает «грань между Средневековьем и Новым временем в России», равно как и связанный с этим вопрос, «было ли “раннее” Новое время и “развитое” Новое время в России», можно считать «схоластическими». Но при этом они «чрезвычайно увлекательные, иногда даже провоцирующие эмоциональные пережесты в дискуссиях» [Козляков, 2019, с. 23]. Согласно одной точке зрения, история страны XVII столетия являлась продолжением существования Московского государства со времен объединения русских земель. В соответствии с противоположной трактовкой, этот век относился уже не к позднему русскому Средневековью, но к началу Новой истории России.

Решение данного вопроса имеет значение для понимания процесса перехода от средневекового Московского царства к Российской империи нового времени. Более конкретно — для уяснения того, насколько такой переход был подготовлен развитием общества и государства предшествовавшего времени. Иными словами, была ли закономерной и неизбежной европеизация страны, означавшая ломку старины и насаждение новых начал, ниспровержение основ прежнего общественного устройства и его культуры, или это был исключительно результат насилия в период реформ Петра I. На самом деле подобная полемика имеет едва ли меньшее значение для понимания хода и особенностей российской истории, чем дискуссия об историческом месте Руси и России, начатая еще в середине XI в. Иларионом и не завершенная до сих пор. Однако внешнее отсутствие признаков остроты дискуссии о российском XVII в. не позволяют не только оценить ее значение, но просто даже увидеть ее.

Истоки этой дискуссии лежали в политическом сознании русского общества после Смутного времени и находились вне исторической науки. Как справедливо отмечает В. Н. Козляков, у народа после Смуты «велико было стремление возвратиться к прежнему порядку, к “старине”, “как при прежних государях бывало”» [Козляков, 2010, с. 31]. Поэтому в утвержденной грамоте об избрании Михаила Романова на земском соборе 1613 г. подчеркивалась связь нового царя со старой династией. Указывалось, что Михаил представлял собой “благоцветущую ветвь от благородного корени”» [Утвержденная грамота, 1904, с. 15] старой династии. Более определенно на причину избрания Михаила на царство говорилось в Латухинской степенной книге, где особо подчеркивалось, что Михаил Романов «сродень бе» Ивану Грозному и царю Федору, причем последнему «по матери ... племянникъ» [Латухинская степенная книга, 2012, с. 692]. Таким образом, при первых царях из династии Романовых «свое время» тесно увязывалось с прошлым периодом в истории страны. Только протопоп Аввакум отметил наступление новизны в русской жизни в связи с проведением церковной реформы. Заключалась она в том, что на Руси «захотелось немецких поступов и обычаев» [Житие Аввакума, 1991, с. 254]. Ничего положительного от этой перемены протопоп не видел.

В отечественной исторической мысли XVIII в. предыдущее столетие связывалось как со стариной, так и с новым большим этапом российской истории, начало которому было положено реформами Петра I. Согласно М. В. Ломоносову, который был апологетом Петра Великого, первый российский император выступал достойным наследником дела, начатого дедом и отцом. По словам Ломоносова, Михаил Романов «Отечество из бездн глубоких воздвигает», имея в виду «бездны» Смутного времени. Затем Алексей Михайлович «Россам возвратил старинное наследство, Злодеев истребил и усмирил соседство». На этом основании он, обращаясь к Петру I, называл его отца «Тебе подобный Алексей». Петр I был призван, писал Ломоносов, продолжать его дело по возвращению ранее принадлежавших России земель, и эти задачи были «Петру Великому судьбой поручены» [Ломоносов, 1959, с. 720]. Таким образом, Ломоносов тесно связывал два века отечественной истории – XVII и XVIII столетия. Он видел в деятельности царей Михаила и Алексея непосредственное создание предпосылок для решения той задачи, которая стала смыслом и целью жизни Петра I – возвращения Россией выхода в Балтийское море. Мыслитель второй половины XVIII в. князь М. М. Щербатов усматривал между своим временем и предыдущим столетием принципиальное отличие. Критерием для него служили не международное положение и внешняя политика России, но внутреннее состояние российского общества. Уже на этом основании подход его к характеристике места XVII в. в русской истории был более глубоким, чем у Ломоносова. Таким критерием было состояние нравов общества. Как писал он в сочинении «О повреждении нравов в России», которое не рассчитывалось на публикацию, «нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим» привела к тому, что «пороки зачали вкрадываться в души наши», причем эти пороки умножались «царствования от царствования» [Щербатов, 2010, с. 424].

Эту мысль развивал в начале XIX в. Н.М. Карамзин. По его словам, при Петре I имело место «не только новое величие России, но и присвоение обычаев Европейских» [Карамзин, 2010, с. 290]. Для Карамзина тема падения нравов, которая так занимала М.М. Щербатова, не была главной. «Умолчим о пороках личных» [Карамзин, 2010, с. 291], – писал он, вполне, однако, признавая, что такие «пороки» стали распространяться в послепетровский период. С точки зрения Карамзина более существенно было то, что «мы стали гражданами мира, но перестали в некоторых случаях быть гражданами России» [Карамзин, 2010, с. 293], или, войдя в европейский культурный мир, стали терять свою историческую и культурную самобытность. Поскольку вину за это историк возлагал на Петра I, то тем самым он противопоставлял петровский и допетровский периоды в истории России.

Новой вехой в осмыслении места XVII столетия в отечественной истории стал фундаментальный труд С.М. Соловьев «История России с древнейших времен». Если ранее по поводу этого века высказывались разные точки зрения, в соответствии с которыми XVII столетие относилось или к продолжению Московского царства, или к началу новой России, то Соловьев настолько твердо обозначил свою позицию, что она прочно закрепилась в последующей историографии. «С новой династиею», – писал он, имея в виду утверждение на престоле династии Романовых, – «начинается приготовление к тому порядку вещей, который знаменует государственную жизнь среди европейских держав». В XVII в., по его словам, «мы видим уже начало важнейших преобразований», тех, которые будут продолжены и развиты Петром I. Из этого Соловьев делал вывод: «Так тесно связан в нашей истории XVII век с первой половиною XVIII, разделить их нельзя» [Соловьев, 1988, с. 55]. Более того, попытка подобного разделения представляет собой, с его точки зрения, методологическую ошибку. Отсюда настоятельный призыв: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм» [Соловьев, 1988, с. 51].

Единство двух столетий русской истории, как считал Соловьев, было не случайным и состояло в том, что если в XVIII в. Россия благодаря петровским реформам вошла в круг европейских стран, то в XVII в. сформировались предпосылки проведения этих реформ. В то же время он не склонен был недооценивать самостоятельное значение XVII столетия, особо подчеркивая то обстоятельство, что титаническому масштабу задач, стоявших перед обществом, соответствовал «богатырский» характер решавших их исторических деятелей. В наибольшей степени эти черты ключевых фигур «бунташного века» проявляются, по мнению историка, в драме Раскола и таком ценнейшем эго-документе эпохи, как «Житие» протопопа Аввакума: «Важность памятника заключается в том, что он лучше других памятников переносит нас в Россию XVII века, от которой мы отошли так далеко и явления которой мы с таким трудом понимаем, придавая историческим лицам XVII века черты нашего времени, наши воззрения и стремления. Мы имели возможность узнать, что такое был сильный человек в древней России, как силы богатыря мало сдерживались,

как они не были устроены и направлены воспитанием, образованием» [Соловьев, 1991, с. 157]. Именно в этом – пробуждении могучих человеческих сил и слабости тех социальных начал, которые могли бы направить эти силы в должное русло – видел Соловьев главное противоречие «богатырского века» и личную драму самых титанов XVII столетия. К ним историк относит и самого автора «Жития», в котором он «является не один, но окруженный целою дружиною подобных ему богатырей» [Соловьев, 1991, с. 157], и сибирских воевод – «охотников давать чувствовать свою силу», которые «совершенно разнуздались в далекой стране» [Соловьев, 1991, с. 158], и многочисленных юродивых – «особого рода» богатырей, «которым так же грузно от силушки, как от тяжелого бремени» [Соловьев, 1991, с. 157–158], и патриарха Никона. Более того, именно в личности главного антагониста мятежного протопопа Соловьев склонен видеть разгадку тайны XVII столетия: «Подробности жизни Никона много уясняют нам явления этих богатырей среди общества, не выработавшего нравственных сдержек для хаотических богатырских сил. До тех пор, пока мы не перенесемся в XVII век и не взглянем на Никона как на богатыря в патриаршеской митре и саккосе, до тех пор это явление останется для нас загадочным, и Никон не перестанет изумлять нас своею силою... и бессилием» [Соловьев, 1991, с. 157].

В дальнейшем мысли Соловьева о тесной связи XVII в. с последующим столетием и глубинных противоречиях этого века были развиты В. О. Ключевским. Утверждая, что XVII столетие в истории России представляет собой часть большого периода отечественной истории, продолжавшегося «до половины XIX в.», Ключевский характеризовал этот период как «всероссийский». Он выделил его главные черты в политической и экономической жизни страны. К политическому признаку этого времени относилось «политическое собирание и объединение частей Русской земли». К экономической – «земледельческий труд, который окончательно стал крепостным, к которому присоединяется обрабатывающая промышленность, фабричная и заводская» [Ключевский, 1956, с. 34].

Ключевский в «Курсе русской истории» указал еще один признак, по которому Россия уже начиная со Смутного времени стала отрываться от своего средневекового прошлого. С избранием на земском соборе 1598 г. Бориса Годунова на царство появился выборный правитель. Такой царь уже «не мог смотреть на государство взглядом наследственного, как на свою вотчину» [Ключевский, 1957а, с. 394]. В результате в стране возникла «новая идея народа не как паствы, подлежащей воспитательному попечению правительства, а как носителя ... государственной воли, которая на соборе передавалась избранному царю» [Ключевский, 1957а, с. 395]. Укреплению этой идеи немало способствовала Смута, в ходе которой «общество, предоставленное самому себе, поневоле приучалось действовать самостоятельно и сознательно, и в нем начала зарождаться мысль, что оно, это общество, народ, не политическая случайность, как привыкли чувствовать себя московские люди, не пришельцы, не временные обыватели в чьем-то государстве, но что такая политическая случайность есть скорее династия» [Ключевский, 1957б, с. 68].

При этом, подобно Соловьеву писавшему о «богатырях» XVII столетия, Ключевский отмечал экстраординарные личностные качества исторических деятелей той эпохи: «Смута питалась интересами, т.е. страстями, личными, фамильными, классовыми, племенными, даже религиозными, но самая их непримиримость помогла им переработаться в идеи» [Ключевский, 1957b, с. 373]. Следует, однако, отметить то обстоятельство, что процитированные слова не вошли в опубликованный текст «Курса русской истории»: очевидно, Ключевский не считал эти мысли вполне оформившимися и вызревшими. Более определенно, а порой даже резко историк высказывался об антиномиях XVII столетия на страницах своего дневника. Главное противоречие этой эпохи историк видит в несоответствии между глубиной кризиса, не вполне осознаваемого обществом, и наличными возможностями для его преодоления: «Неустойчивые порывы, безотчетные или полусознательные стремления, невыясненные планы. Много суеты, хлопот и скудные результаты» [Ключевский, 1968, с. 396]. Россия того времени — это страна «со своей широко раскрытой научной любознательностью», но при этом «со скудной умственной емкостью». «Какая преобразовательная суетня, какая толпа новых идей и какая ветошь нравов и порядков, какое ничтожество результатов!» [Ключевский, 1968, с. 396]. И эта оценка, столь созвучная словам Соловьева о «силе и бессилии» Никона и других «богатырей» XVII столетия, венчается уничтожающей метафорой беспомощности: «Таракан на спине» [Ключевский, 1968, с. 396]. Заключение, высказанное в дневниковых записях, не предназначавшихся для сколько-нибудь широкого читателя, несомненно, бросается в глаза своей резкостью. Сравнивая русское общество XVII в. с беспомощным насекомым, Ключевский подвергал сомнению высказывавшееся публично положение о складывании в это время предпосылок петровских преобразований.

Тем не менее, тезис о рубежном характере XVII столетия в целом разделялся подавляющим большинством историков конца XIX–начала XX вв. На необратимость перемен, произошедших после Смуты, указывал С.Ф. Платонов. «В XVI в. управление государством считали личным делом хозяина страны да его советников; теперь, в XVII в., очень ясно сознается, что государственное дело не только “государево дело”, но и “земское”, так и говорят о важных государственных делах, что это “великое государево и земское дело”» [Платонов, 1993, с. 333].

Более определенно о роли западноевропейского влияния на русскую культуру раннего Нового времени высказывался А.С. Лаппо-Данилевский. Он обращал внимание на то, что в России XVIII в. имело место распространение «элементов европейской культуры, которые находились еще под влиянием вероисповедальной точки зрения». Это было тогда, когда в самих странах Западной Европы такое влияние «на культуру уже значительно ослабло, секуляризация ее наступила в период Просвещения, тесно связанного с рационализмом». Но предпосылки распространения такой западной по происхождению «точки зрения», которая возникла в странах Европы еще в XVI в., отмечал он, «получило некоторое распространение в России лишь в XVII столетии». При этом «культурные начала,

выработанные в эпоху Реформации, стали прививаться к нам лишь в эпоху преобразований конца XVII–начала XVIII вв.» [Лаппо-Данилевский, 1990, с. 19] Это давало Лаппо-Данилевскому основание связывать в культурном отношении два века русской истории – XVII и XVIII. Западное влияние на русскую культуру проявлялось в связи, по его словам, со «схоластикой», с которой «довольно тесно» был связан католицизм. А уже схоластика «получила сравнительно большое значение и в нашей образованности XVII в.» [Лаппо-Данилевский, 1990, с. 10]. Общность двух столетий проявлялась в сфере культуры. Но проявление такой общности Лаппо-Данилевский видел и в более общем выражении. Он подчеркивал, что «изучение национальной истории ... должно иметь результаты в том случае, когда будет обращено на периоды наиболее резкого развития специфических особенностей исследуемого типа» [Лаппо-Данилевский, 1890, с. 2]. К таким периодам он относил XVII в. русской истории, когда начинался переход от средневековой к новой России. Поэтому для понимания ситуации в такой период он обратил особое внимание на организацию в Московском государстве податного обложения, которое являлось важнейшей государственной функцией и условием его существования. То же самое относится к тенденции в развитии культуры общества, определявшейся в значительной степени западным влиянием в период перехода к России Нового времени с XVII в.

Таким образом, в качестве важнейшей отличительной особенности русской истории XVII в. указывалось формирование в обществе политического сознания, или представления о государстве как об общенародном, «земском деле», а не как об управлении вотчиной государя. Вместе с тем, как отмечал М.К. Любавский, процесс формирования политического сознания был в Московском государстве более постепенным и не укладывается в полной мере в антитезу между XVI и XVII столетиями. Так, он подчеркивал, что «едва ли мы можем без оговорок принять положение, что Московское государство в XVI веке было только вотчиной потомков Калиты», и «в существе своем Московское княжество превратилось в политическую организацию уже иного, не вотчинного типа». Но при этом признавал, что такая организация «вышла недоделанной, своеобразной, содержащей в себе внутренние противоречия, но при всем том, несомненно, государственной» [Любавский, 2002а, с. 451]. В то же время Любавский обращал внимание на существенные различия между понятием о государстве в русском обществе до и после Смуты. Он писал, что «идея государства выплыла именно в Смутную эпоху». Объясняя роль событий Смуты в формировании государственной идеи, Любавский подчеркивал, что только в Смуту «русские люди получили, можно сказать, предметный урок и почувствовали, что государство – не вотчина, а общественное установление, обслуживающее интересы народного блага» [Любавский, 2002б, с. 82]. Таким образом, для М.К. Любавского XVII в. русской истории был действительно новым периодом. А критерием для выделения была не столько политическая реальность, связанная с переходом от великого княжества как вотчины к вотчинному государству, но осознание в русском обществе самого существования государства как дела не только «великого государя», но и как «земского дела».

Противоречия в рассуждениях С.М. Соловьева, тесно связывавшего XVII и XVIII вв. отечественной истории, отметил Н.П. Павлов-Сильванский. Он указывал, что у Соловьева, как и у К.Д. Кавелина, стояла задача «выяснить органическое развитие русской истории». Поэтому Соловьев «решительно отвергал важность внешних влияний, норманнского и монгольского» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 9]. Но при этом, «придавая главное значение внутреннему развитию основных начал строя», Соловьев «для истории XVIII в., с Петра Великого, на первый план выдвигал внешнее влияние». Оно заключалось в том, как писал Павлов-Сильванский, что в петровской России имело место «заимствование плодов европейской цивилизации», но не факторы внутреннего развития. В результате у Соловьева «развитие внутренних древних начал», в которых он видел движущую силу истории страны, прерывается при Петре I «внешним заимствованием», к которому переходит роль такой силы. Павлов-Сильванский полагал, что Соловьев, видя такое противоречие, старался «связать Петровскую Россию с Московской», отмечая, что «“приготовление к новому порядку вещей” началось уже при первых Романовых» [Павлов-Сильванский, 1988, с. 10]. Но такое указание не снимало противоречия в рассуждениях, которое отметил Павлов-Сильванский. Он, таким образом, по существу подчеркивал, что на самом деле Соловьев отрывал XVIII в. русской истории, когда такое заимствование западной культуры проявилось в полной мере, от предыдущего столетия в истории России, прежде всего от времени Московского государства при первых царях из династии Романовых. При них подобные заимствования еще не имели такого размаха, чтобы как-то повлиять на цивилизационную матрицу страны.

Точка зрения на XVII в. российской истории как на начало новой истории России, когда создавались предпосылки петровских реформ, получила преобладание в отечественной исторической мысли прошлого столетия. В советской историографии этому способствовало также высказывание В.И. Ленина о начале нового периода русской истории «примерно с 17 века». Признаки этого он связывал с экономическим развитием страны, с «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок», а отсюда — с созданием «связей буржуазных». На этой экономической основе произошло реальное объединение русских земель, которое определялось «действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое» [Ленин, 1958, с. 153–154]. Таким образом, Ленин указывал на отличие между Россией XVI и XVII вв., состоявшее в реальном объединении русских земель на базе зарождавшихся экономических связей между ними.

Это положение прочно утвердилось в советской историографии и переходило из одного исследования в другое. На нем основывались участники дискуссии рубежа 50-х–60-х гг. XX в. о восходящей и нисходящей стадии развития русского феодализма, начатой М.В. Нечкиной. По ее мнению, с этого столетия феодализм в России вступил в свою нисходящую стадию. Она исходила из базовых характеристик феодальной общественно-экономической формации, которая, как и другие формации,

рассматривались в советской историографии как соответствие характерных для нее производственных отношений уровню развития производительных сил. Особое значение, по ее мнению, имели изменения в XVII в. производственной базы русской промышленности. Такая мануфактура «характеризовалась достаточно детальным, свойственным мануфактуре разделением труда, ранее невиданным в феодальной мастерской» [Нечкина, 1958, с. 92], что, как подчеркивала Нечкина, «создавало разительную противоположность старого и нового». Такая противоположность возникла «именно в плане характера развития производительных сил, при сравнении с мелкой ремесленной мастерской средневековья или с крестьянской кустарной избой» [Нечкина, 1958, с. 96]. Нечкина указывала на последствие такой новой организации производства. Мануфактура «принадлежит ... капиталистическому способу производства» «с точки зрения характера производительных сил», но сочеталась «с принудительным трудом». Поэтому разделение труда на мануфактуре как характерное и прогрессивное явление «находилось в антагонистическом противоречии с феодальными производственными отношениями» [Нечкина, 1958, с. 98]. Отсюда делался вывод, что такое противоречие «порождало конфликт» [Нечкина, 1958, с. 102], который наступил не сразу и «обозначился в XVIII в.». Только тогда «феодальные производственные отношения» стали «тормозом поступательного развития производительных сил» [Нечкина, 1958, с. 103]. Таким образом, логическая связь между двумя столетиями заключалась, с точки зрения Нечкиной, в том, что в XVII в. сформировались такие предпосылки, которые обернулись своими последствиями в следующем веке.

С критикой данной концепции выступил А. М. Сахаров. По его мнению, «возникновение промышленных предприятий с принудительным трудом», которыми были мануфактуры петровского времени, «говорит не о подъеме производительных сил, а о их неразвитости» [Сахаров, 1959, с. 104]. Тем более это относилось к предшествовавшему веку. А. М. Сахаров не мог, конечно, отрицать ленинское положение о начале нового периода русской истории «примерно с 17 века» по причине появления «новых буржуазных связей». Но он при этом подчеркивал, что нельзя преувеличивать значение этих связей. Отрицая, что «феодальная система вступила в свою "нисходящую" стадию» [Сахаров, 1959, с. 106] уже в XVII в., он относил начало этой фазы ко второй половине XVIII в. [Сахаров, 1959, с. 107].

Таким образом, участники дискуссии о «нисходящей стадии» в развитии феодализма в России по-разному определяли ее хронологию. Если М. В. Нечкина соотносит российский XVII в. с началом «нисходящей» стадии и с новым периодом истории страны, то А. М. Сахаров «разводит» «нисходящую стадию» и новый период. Он заключал, что «нисходящая стадия» феодальной формации в России началась не ранее чем при Екатерине II. Признавая «новый период русской истории» с XVII в., он, однако, не видел признаков упадка феодальной системы в этом столетии. И, таким образом, по существу, связывал этот век не с новым, но со старым периодом русской истории, до Смутного времени, когда феодальная система была на подъеме. Ленинское положение о том, что примерно с XVII в. начинается новый

период русской истории, А.М. Сахаров не отрицал, но существенно, по сравнению с М.В. Нечкиной, сужал его содержание.

Однако во второй половине прошлого века советские историки стали подвергать более внимательному анализу данные о развитии рыночных связей в России XVII в. и социально-экономического контекста, в котором развивались эти связи. И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов в фундаментальном труде о всероссийском аграрном рынке также в полной мере признавали наличие в XVII в. рыночных отношений на всероссийском уровне. Но, вместе с тем, отмечали, что в этом столетии появилась только «зачаточная примитивная форма торгового и ростовщического капитала». Такая форма, «перенесенная, скажем, в типичную эпоху феодализма, ... не в состоянии произвести там сколько-нибудь кардинальные изменения. Все осталось бы по-прежнему». И вообще, «примитивные формы торгового и ростовщического капитала существовали на протяжении многих столетий и при феодальном строе, и в более ранние эпохи» [Ковальченко, Милов, 1974, с. 27], – указывали они. Тем самым И.Д. Ковальченко и Л.В. Милов давали понять, что российский XVII в., когда существовали такие примитивные формы капитала, не относился к новому периоду отечественной истории, если основанием для его выделения берется экономическое развитие.

Связь между явлениями в жизни страны XVII и XVIII вв. на примере формирования служилой бюрократии проследила Н.Ф. Демидова. Она отметила, что появление самого понятия государственной службы и изменения в ее характере определялись общим процессом «трансформации формы государственного правления от сословно-представительной монархии к абсолютной». В таких условиях в XVII в. «постепенно вырабатывался новый тип приказного человека, обязанного своей карьерой и имущественным благополучием собственной предприимчивости, опытности и природным способностям, а также усмотрению вышестоящей администрации или непосредственно царя» [Демидова, 1987, с. 190, 191].

В современной российской историографии на место событий, явлений и процессов в России XVII в. смотрят по-разному. Так, И.Л. Андреев видит единство XVII и XVIII столетий в том, что в течение обоих столетий в стране была и осознавалась потребность в реформах. Но также он указывает на значительное отличие положения в стране до XVIII в. и времени царствования Петра I. В допетровский период, по его словам, реформы были, но проходили в пределах «средневековых структур и отношений» и представляли собой «поиск компромисса старого с новым». При Петре I же осуществлялось «разрушение старого и создание нового», а царь-реформатор не хотел «передельывать» старину и пытался русское общество «строить заново» [Реформы, 2016, с. 179–180]. При таком подходе место XVII в. в русской истории не представляется ясным. Более определенно связал допетровскую Россию со стариной П.В. Седов, который во времени царствования Федора Алексеевича видел «закат Московского царства». Говоря о распространенной в историографии дискуссии об «укреплении самодержавия в конце XVII века», он отмечал, что спор по этому вопросу «отвлеч исследователей от иных тенденций того времени», каковые

были связаны с порядком управления и устройством государственных структур. «Систему власти второй половины XVII в. определяли не элементы централизации и бюрократизации, а прежняя средневековая практика личного приказа-поручения». В полной мере это относилось и к вооруженным силам, которые, по мнению Седова, носили «средневековый характер». Наглядное свидетельство этому он видел в том, что лучшая часть русского войска, московские стрелецкие полки, в ходе восстаний 1662 и 1682 гг. «не могли служить надежной опорой трона». В таких условиях «царская власть оказалась заложницей взбунтовавшейся дворцовой стражи» и поэтому «вынуждена была созвать дворянское ополчение». Таким образом, П. В. Седов даже в конце XVII в. видел в важнейших сторонах внутренней жизни страны наличие самых существенных признаков русской старины. Общий же его вывод соответствовал положению, утвердившемуся в отечественной исторической мысли, по существу, еще с петровского времени, и принятому в русской историографии. «Необходимость изменений назрела во всех сферах жизни Московского государства» [Седов, 2008, с. 551], — подчеркивал Седов и связывал начало этих изменений с реформами Петра I. Он отмечал «принципиальное различие» между петровскими реформами и реформами при царе Федоре Алексеевиче, которые, кроме отмены местничества, «не затрагивали основ старомосковской жизни» [Седов, 2008, с. 555]. Но очень скоро положение резко изменилось. «Петр I рвал с московской стариной», в отличие от первых царей из династии Романовых. Вместе с тем П. В. Седов указал на условность «определения точного рубежа Нового времени» для России. На самом деле «сочетание нового и старого было неодинаково». Исследование событий и явлений конца XVII в. «уменьшает иллюзию заданности в отношении исторического развития России» [Седов, 2008, с. 556], которую будто бы создает мысль о том, что в XVII в. был предопределен исторический путь страны, по которому она шла с Петра I.

Оригинально разъясняет различия XVII и XVIII вв. русской истории Е. В. Анисимов. Традиционный взгляд на различия двух веков сводится к тому, что петровские реформы, предпосылки которых были подготовлены еще при предшественниках Петра I, способствовали развитию страны и имели для нее положительное значение. Е. В. Анисимов, во-первых, разрывает между собой два века отечественной истории, XVII и XVIII. Во-вторых, в переходе страны по пути, проложенном реформами Петра I, он усматривает прежде всего отрицательные последствия. Историк, конечно же, признает, что в XVII в. имели место негативные явления — «деспотическое самодержавие», «отсутствие собственности» и «крепнувшее год от года крепостное право» [Анисимов, 2001, с. 9]. Тем не менее, он отмечает, что «при естественном разложении старого московского порядка» могли возникнуть «плоды свободы», которые, в свою очередь, «могли способствовать складыванию гражданского общества в России». Но все эти тенденции были прерваны реформами Петра I, когда «власть уничтожила юридическое понятие “вольный человек”» [Анисимов, 2001, с. 10]. Е. В. Анисимов указывает, что царь по-своему выражал понятие «политической свободы» и приводит передаваемое А. Нартовым высказывание Петра I: «Я повелеваю подданными, повинующимися моим

указам... Тот свободен, кто не творит зла и послушен добру» [Анисимов, 2001, с. 11]. Несвободная страна стала, таким образом, еще более несвободной. Вместе с тем историк отмечает, что и XVIII в. «не был потерян для ... дела свободы». Выход из деспотизма искали «две могучие силы – дворянский корпоративизм и европейское Просвещение» [Анисимов, 2001, с. 12]. В результате «свободы при Екатерине II было побольше, чем при других монархах» [Анисимов, 2001, с. 13]. Но при Павле I «раздался “рев Норда сиповатый”», и русские люди «начали вновь решать неразрешимую для них квадратуру круга свободы и насилия» [Анисимов, 2001, с. 15].

Дискуссия о русском XVII в. продолжается. Незавершенность ее говорит о том, что вопрос этот – исключительно сложный и многогранный. В свете данной дискуссии бурное семнадцатое столетие представляется временем, когда русский «витязь» вновь, как и во времена Василия Темного, и в иные периоды отечественной истории, оказался «на распутье» и смотрел двумя головами своего государственного символа и на Запад, и на Восток. И только при Петре I определился европейский выбор России. Но, как мы видим, его окончательность и необратимость вновь поставлена под вопрос в наши дни.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Анисимов Е.В. Путь к свободе России XVIII века // Империя и либералы. СПб.: Ж. Звезда, 2001. С. 7–15.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 225 с.

Житие Аввакума и другие его сочинения. М.: Советская Россия, 1991. 368 с.

Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении // *Карамзин Н.М.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 279–348.

Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. М.: Соцэкгиз, 1956. 427 с.

Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2. М.: Соцэкгиз, 1957а. 468 с.

Ключевский В.О. Сочинения в 8-ми т. Т. 3. Курс русской истории. Ч. 3. М.: Соцэкгиз, 1957б. 426 с.

Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 524 с.

Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII–начала XX века. Опыт количественного анализа. М.: Наука, 1974. 413 с.

Козляков В.Н. Михаил Федорович. М.: Молодая гвардия, 2010. 344 с.

Козляков В.Н. Московское царство. СПб.: Наука, 2019. 260 с.

- Лаппо-Данилевский А.С.* История русской общественной мысли и культуры XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1990. 290 с.
- Лаппо-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времени Смуты до эпохи преобразований. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1890. 557 с.
- Латухинская степенная книга. 1676 год. М.: ЯСК, 2012. 878 с.
- Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1958. С. 125–346.
- Ломоносов М.В.* Петр Великий. Героическая поэма // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. В 11-ти т. Т. 8. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 1279 с.
- Любавский М.К.* Лекции по древней русской истории до конца XVI века. СПб.: Лань, 2002а. 479 с.
- Любавский М.К.* Русская история XVII–XVIII веков. СПб.: Лань, 2002b. 575 с.
- Нечкина М.В.* О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации (к постановке вопроса) // *Вопросы истории.* 1958. № 7. С. 86–108.
- Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в Древней Руси // *Павлов-Сильванский Н.П.* Феодализм в России. М.: Наука, 1988. С. 4–149.
- Платонов С.Ф.* Лекции по русской истории. М.: Высшая школа, 1993. 703 с.
- Реформы в России с древнейших времен до конца XX в. В 4-х т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2016. 373 с.
- Сахаров А.М.* К вопросу о двух стадиях развития феодальной формации в России // *Вопросы истории.* 1959. № 1. С. 98–107.
- Седов П.В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 603 с.
- Соловьев С.М.* Сочинения в 18-ти кн. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. I–II. М.: Мысль, 1988. 797 с.
- Соловьев С.М.* Сочинения в 18-ти кн. Кн. 7. История России с древнейших времен. Т. 13–14. М.: Мысль, 1991. 701 с.
- Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова. М.: Синодальная тип., 1904. 30 с.
- Щербатов М.М.* О повреждении нравов в России // *Щербатов М.М.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 415–477.

4REFERENCES

- Anisimov Ye.V. Put' k svobode Rossii XVIII veka [The path to freedom of Russia in the 18th century], in *Imperiya i liberally* [Empire and liberals]. SPb.: ZH. Zvezda, 2001. Pp. 7–15 (in Russian).
- Demidova N.F. *Sluzhilaya byurokratiya v Rossii XVII v. i yeye rol' v formirovanii absolyutizma* [Serving bureaucracy in Russia in the 17th century and its role in the formation of absolutism]. М.: Nauka, 1987. 225 p. (in Russian).

- Zhitiye Avvakuma i drugiye yego sochineniya* [Life of Avvakum and his other works]. M.: Sovetskaya Rossiya, 1991. 368 p. (in Russian).
- Karamzin N.M. O drevney i novoy Rossii v yeye politicheskom i grazhdanskom otnoshenii [About ancient and new Russia in its political and civil relations], in Karamzin N.M. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. M.: ROSSPEN, 2010. Pp. 279–348 (in Russian).
- Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v 8-mi t. T. 1. Kurs russkoy istorii. Ch. 1* [Works in 8 volumes. V. 1. Course of Russian history. Part 1]. M.: Sotsekgiz, 1956. 427 p. (in Russian).
- Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v 8-mi t. T. 2. Kurs russkoy istorii. Ch. 2* [Works in 8 volumes. V. 2. Course of Russian history. Part 2]. M.: Sotsekgiz, 1957a. 468 p. (in Russian).
- Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya v 8-mi t. T. 3. Kurs russkoy istorii. Ch. 3* [Works in 8 volumes. V. 3. Course of Russian history. Part 3]. M.: Sotsekgiz, 1957b. 426 p. (in Russian).
- Klyuchevskiy V.O. *Pis'ma. Dnevnik. Aforizmy i mysli ob istorii* [Letters. Diaries. Aphorisms and thoughts about history]. M.: Nauka, 1968. 524 p. (in Russian).
- Koval'chenko I.D., Milov L.V. *Vserossiyskiy agrarnyy rynek XVIII–nachala XX veka. Opyt kolichestvennogo analiza* [Russian agrarian market of the 18th–early 20th centuries. Experience in quantitative analysis]. M.: Nauka, 1974. 413 p. (in Russian).
- Kozlyakov V.N. *Mikhail Fedorovich* [Mikhail Fedorovich]. M.: Molodaya gvardiya, 2010. 344 p. (in Russian).
- Kozlyakov V.N. *Moskovskoye tsarstvo* [Muscovy]. SPb: Nauka, 2019. 260 p. (in Russian).
- Lappo-Danilevskiy A.S. *Istoriya russkoy obshchestvennoy mysli i kul'tury XVII–XVIII vv.* [History of Russian social thought and culture of the 17th–18th centuries]. M.: Nauka, 1990. 290 p. (in Russian).
- Lappo-Danilevskiy A.S. *Organizatsiya pryamogo oblozheniya v Moskovskom gosudarstve so vremeni Smuty do epokhi preobrazovaniy* [Organization of direct taxation in the Moscow state from the time of the Troubles to the era of transformations]. SPb.: tip. I.N. Skorokhodova, 1890. 557 p. (in Russian).
- Latukhinskaya stepennaya kniga. 1676 god* [Latukhin's degree book. 1676]. M.: YASK, 2012. 878 p. (in Russian).
- Lenin V.I. Chto takoye "druz'ya naroda" i kak oni voyuyut protiv sotsial-demokratov [What are "friends of the people" and how do they fight against the social democrats], in Lenin V.I. *Poln. sobr. soch.* [Full collection of works]. T. 1. M.: Gospolitizdat, 1958. Pp. 125–346. (in Russian).
- Lomonosov M.V. Petr Velikiy. Geroicheskaya poema [Peter the Great. Heroic poem], in Lomonosov M.V. *Polnoye sobraniye sochineniy. V 11-ti t.* [Full composition of writings. In 11 volumes]. T. 8. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959. 1279 p. (in Russian).
- Lyubavskiy M.K. *Lektsii po drevney russkoy istorii do kontsa XVI veka* [Lectures on ancient Russian history until the end of the 16th century]. SPb.: Lan', 2002a. 479 p. (in Russian).
- Lyubavskiy M.K. *Russkaya istoriya XVII–XVIII vekov* [Russian history of the 17th–18th centuries]. SPb.: Lan', 2002b. 575 p. (in Russian).

Nechkina M.V. O "voskhodyashchey" i "niskhodyashchey" stadiyakh feodal'noy formatsii (k postanovke voprosa) [On the "ascending" and "descending" stages of the feudal formation (to the formulation of the question)], in *Voprosy istorii*. 1958. № 7. Pp. 86–108 (in Russian).

Pavlov-Sil'vanskiy N.P. Feodalizm v Drevney Rusi [Feudalism in Ancient Rus], in Pavlov-Sil'vanskiy N.P. *Feodalizm v Rossii* [Feudalism in Russia]. M.: Nauka, 1988. Pp. 4–149 (in Russian).

Platonov S.F. *Lektsii po russkoy istorii* [Lectures on Russian history]. M.: Vysshaya shkola, 1993. 703 p. (in Russian).

Reformy v Rossii s drevneyshikh vremen do kontsa XX v. V 4-h t. [Reforms in Russia from ancient times to the end of the twentieth century. In 4 volumes]. T. 1. M.: ROSSPEN, 2016. 373 p. (in Russian).

Sakharov A.M. K voprosu o dvukh stadiyakh razvitiya feodal'noy formatsii v Rossii [On the question of two stages of development of the feudal formation in Russia], in *Voprosy istorii*. 1959. № 1. Pp. 98–107 (in Russian).

Sedov P.V. *Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskiy dvor kontsa XVII veka* [Decline of the Moscow kingdom: the royal court at the end of the 17th century]. SPb.: Dmitriy Bulanin, 2008. 603 p. (in Russian).

Solov'yev S.M. *Sochineniya v 18-ti kn. Kn. 1. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Compositions in 18 books. Book. 1. History of Russia since ancient times]. T. I–II. M.: Mysl', 1988. 797 p. (in Russian).

Solov'yev S.M. *Sochineniya v 18-ti kn. Kn. 7. Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen* [Compositions in 18 books. Book. 7. History of Russia since ancient times]. T. 13–14. M.: Mysl', 1991. 701 p. (in Russian).

Utverzhdannaya gramota ob izbranii na Moskovskoye gosudarstvo Mikhaila Fedorovicha Romanova [Approved letter on the election of Mikhail Fedorovich Romanov to the Moscow state]. M.: Sinodal'naya tip., 1904. 30 p. (in Russian).

Shcherbatov M.M. O povrezhdenii npravov v Rossii [On the damage of morals in Russia], in Shcherbatov M.M. *Izbrannyye trudy* [Selected Works]. M.: ROSSPEN, 2010. Pp. 415–477 (in Russian).